

Памяти ученого: труды Ю. А. Мошкова и некоторые проблемы аграрной историографии

И. А. Кузнецов

Игорь Анатольевич Кузнецов, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Московской высшей школы социальных и экономических наук; 119571, Москва, пр-т. Вернадского, 82; repwtjkd68@mail.ru

Аннотация. Ушел из жизни Юрий Александрович Мошков (06.04.1922–30.08.2022) — видный российский историк-аграрник, работы которого во многом наметили основные направления изучения экономических аспектов истории коллективизации и колхозного сектора сельского хозяйства в СССР. За его долгую творческую жизнь отечественная историография прошла большой путь от формирования научной парадигмы изучения советской истории в период оттепели, через методологический кризис перестройки, «архивную революцию» 1990-х годов и последующий период освоения массива новых источников и выбора новых теоретических моделей в условиях идеологического многообразия. Отдавая дань памяти своему университетскому учителю, хочется не только оценить его личный вклад, но и высказать некоторые общие соображения о путях развития и проблемах нашей аграрной историографии второй половины XX — начала XXI века.

Ключевые слова: историография, период оттепели, период перестройки, Ю. А. Мошков, В. П. Данилов

DOI: 10.22394/2500-1809-2022-7-4-47-71

Юрий Александрович Мошков принадлежал к поколению историков, прошедших войну, получивших университетское образование в послевоенное сталинское время, но вступивших в науку

в период оттепели¹. Решения XX (1956 г.) и XXII (1961 г.) съездов КПСС провозгласили курс на десталинизацию. Директивные требования к историкам соответствовать новым партийным решениям, спускавшиеся сверху и звучавшие на ученых советах и заседаниях кафедр тех лет, хорошо резонировали с возникшей в обществе атмосферой свободы высказывания и запросом на правдивое знание о прошлом. Расширился доступ к архивам. Цензура была ослаблена. При Академии наук возникли тематические научные советы, которые выступали организаторами всесоюзных конференций. Так, научный совет по проблеме «История социалистического и коммунистического строительства в СССР» провел в 1961 году специальную аграрную сессию по истории советского крестьянства и колхозного строительства, которая стала первым масштабным форумом историков-аграрников, занимавшихся советским периодом. С 1965 года эта тематика была включена в программу Межреспубликанского симпозиума по аграрной истории, существующего с 1958 года. (Юрий Александрович оценивал значение Симпозиума кратко: «Великая вещь!»)

Конференции создавали площадки для прямого общения, где завязывались контакты между коллегами, определялись проблемные поля и точки зрения, возникали дискуссии. Марксизм и коммунистическое мировоззрение, конечно, оставались единственно допустимой методологической основой, но в заданных рамках советские историки нового поколения имели возможность использовать научный метод, основанный на объективном изучении источников. Специалисты по Древней, Средневековой и отчасти Новой истории обладали в этом отношении некоторым преимуществом — опытом дореволюционной науки, который, хотя и в ископленном виде, транслировался через учебные курсы советских истфаков сталинской эпохи. Те же, кто посвятил себя изучению истории революции, советского периода и таких аспектов ранней истории, которые не разрабатывались историками старой школы, должны были открывать свои источники и методы работы с ними во многом заново. Среди источников все большее значение приобретали статистика и массовая документация.

Стимулом к развитию историко-аграрных исследований послужила новая аграрная политика, начавшаяся сразу после смерти Сталина с официального признания острых проблем колхозной экономики и жизни села: «Для изучения истории колхозного строя выдающееся значение имел сентябрьский пленум ЦК КПСС (1953 г.), заставивший на многое взглянуть по-новому» (Данилов, 1971: 235). Программные установки партии, предписывавшие считать коллективизацию закономерным и необходимым этапом на пути крестьян

1. Биографические сведения о нем см.: Богданов, 2020; Голиков, Абрамова, 2022; Мошков Юрий Александрович, 2010; Мошков Юрий Александрович, 2004. Автор благодарит Т. А. Круглову за указание на эти материалы.

к социализму, колхозы — формой производственной кооперации, а крупное социалистическое хозяйство — самой прогрессивной формой сельскохозяйственного производства, еще сохраняли свою силу. Однако догматика и мифология сталинизма уже начинала давать трещины и разрушаться.

Говоря о становлении научной парадигмы советской истории, надо вспомнить, что сталинский «Краткий курс истории ВКП(б)» был сугубо идеологическим текстом, призванным формировать определенную картину мира и иерархию ценностей в политическом сознании своей аудитории. Для историков он носил нормативный характер, определяя и оценки, и границы допустимого в использовании фактического материала. Лапидарное описание коллективизации, данное в нем, строилось на умолчаниях (о сопротивлении крестьян, голоде, жертвах и других негативных последствиях), широком использовании мифологизированных понятий («враги народа», «кулаки» и т.п.), преувеличении позитивных достижений и прямых фальсификациях. При внешней четкости и однозначности формулировок «Краткий курс» нес в себе концептуальные неясности и несത്യковки. В частности, их можно заметить в трактовке целей и причин перехода к политике коллективизации.

В 10-й главе, посвященной курсу на индустриализацию, необходимость коллективизации объяснялась «кризисом зернового хозяйства» конца 1920-х годов, в основе которого лежала неспособность мелкого крестьянского хозяйства производить товарную продукцию в нужном государству объеме². Здесь авторы «Краткого курса» выдвигали на передний план экономические, прагматические причины коллективизации, которая с этой точки зрения представляла частью вопроса об изменении структуры и технологии сельскохозяйственного производства для ускорения экономического роста. Однако описание самого хода и итогов коллективизации, данное в 11-й главе, строилось в иной плоскости: она представлялась социальной революцией на селе, совершавшейся в процессе «массовой борьбы крестьян против кулачества» с целью уничтожения эксплуатации, «кулацкой кабалы» и «последних источников реставрации капитализма» (Краткий курс, 1938: 291-292). Зерновая проблема и меры

2. «...Мелкое и мельчайшее крестьянское хозяйство становится полунатуральным хозяйством, способным дать лишь минимум товарного зерна. <...> Не подлежало сомнению, что при таком состоянии зернового хозяйства армия и города СССР должны были очутиться перед лицом хронического голода. Это был кризис зернового хозяйства, за которым должен был последовать кризис животноводческого хозяйства. Чтобы выйти из такого положения, необходимо было перейти в сельском хозяйстве на крупное производство, способное пустить в ход тракторы и сельскохозяйственные машины и поднять в несколько раз товарность зернового хозяйства. <...> Понятно, что партия большевиков и Советское государство могли стать лишь... на колхозный путь развития сельского хозяйства» (Краткий курс, 1938: 274).

по ее решению при этом не упоминались, речь шла только о переходе «на рельсы коллективизма, на рельсы социализма». То есть в этом контексте создание коллективного хозяйства выступало частью социального вопроса, вопроса о социалистической революции. Коллективизация оказывалась обусловленной программными установками правящей партии, а со стороны крестьянства — классовым конфликтом внутри деревни. Как это соотносилось с «кризисом зернового хозяйства», не разъяснялось.

Также в двух разных плоскостях описывались ее итоги. Результаты, достигнутые в строительстве социализма к концу I пятилетки, резюмировались формулой: «Победа социализма во всех областях народного хозяйства уничтожила эксплуатацию человека человеком» (Там же: 305). При этом экономические итоги коллективизации в решении зернового вопроса резюмировались формулой: «Прочная победа колхозного строя и связанный с ней подъем сельского хозяйства дали Советской власти возможность отменить карточную систему на хлеб и другие продукты и установить свободную торговлю продовольственными продуктами» (Там же: 304). Соотношение между двумя этими дискурсами в тексте не прояснялось, читателям «Краткого курса» просто предлагалось считать, что коллективизация решила одновременно и экономические, и технологические, и социальные проблемы.

Советская литература по коллективизации, выходявшая до оттепели, представляла собой, по существу, лишь более или менее расширенные комментарии к «Краткому курсу». Авторы пытались совместить две отмеченные выше позиции. Так, С. П. Трапезников, с одной стороны, выводил коллективизацию непосредственно из «гениального кооперативного плана» Ленина, с другой — отмечал роль хлебозаготовительного кризиса 1928 года, который стал поводом для партии «заняться со всей серьезностью сельским хозяйством, особенно по линии зерновой проблемы», и «покончить с хлебными затруднениями» (Трапезников, 1951: 37, 41). Выбор же момента для начала коллективизации во второй половине 1929 года свидетельствовал о «величайшей мудрости товарища Сталина», который определил его «с гениальной прозорливостью» (Там же: 21). Итоговой для сталинского периода историографии была монография политэконома М. А. Краева, написанная на основе его докторской диссертации 1948 года. В ней давался очерк теории марксизма по аграрному вопросу и излагалась история его решения в России, начиная с отмены крепостного права. Краев трактовал соединение зерновой проблемы со строительством социализма в ходе коллективизации как единство явления и сущности. Необходимость объединения крестьян в колхозы с этой точки зрения диктовалась объективными законами социалистической экономики, но в качестве практической задачи она проявилась в конце 1920-х годов в форме диспропорции между промышленностью и сельским хозяйством и тут «за явлениями,

видимыми на поверхности, Коммунистическая партия раскрыла глубинные процессы...» (Краев, 1954: 306).

Таким предстает историографический контекст, когда аспирант, затем преподаватель истфака МГУ Ю. А. Мошков начал свое изучение истории коллективизации. В те же годы в академическом Институте истории сложилась группа историков-аграрников, специализирующихся на советском периоде (М. А. Вылцан, И. Е. Зеленин, Н. А. Ивницкий и др.), неформальным лидером которых стал В. П. Данилов. Им предстояло на месте исторической идеологии строить историческую науку.

Данилов уже в 1957 году опубликовал монографию, в которой проанализировал состояние материально-технической базы сельского хозяйства в 1920-е годы (Данилов, 1957). На большом фактическом материале он показал, что существовавшее представление о готовности технико-технологических предпосылок для коллективизации³ было неверным. Он утверждал, что само создание колхозов выступало предпосылкой ускоренного развития промышленности, которое затем позволило обеспечивать техникой сельское хозяйство.

Работа Ю. А. Мошкова шла не быстро. Первоначальной темой его диссертации была история политотделов МТС. По его собственному признанию, начав исследование, он не имел никакого представления о коллективизации, кроме того, что можно было почерпнуть из «Краткого курса». Как и его коллеги, он сталкивался с вопросами, кажущимися современному историку странными, например, можно ли доверять статистике, которая содержится в публикациях 1920-х — 1930-х годов, выходящих под редакцией немарксистских ученых или репрессированных «врагов народа»? Этот вопрос характеризует состояние интеллектуальной атмосферы, в которой существовала наша историография на выходе из сталинской эпохи. Работая в архиве с донесениями политотделов МТС, Мошков постепенно погрузился в проблематику, в том числе узнал о голоде начала 1930-х, и сформировал убеждение, что именно борьба за зерно выступала стержнем, вокруг которого выстраивалась коллективизация. Новой темой своего исследования он определил зерновую проблему в период коллективизации. Его внимание сконцентрировалось на основных хлебопроизводящих районах, последовали поездки в архивы Ростова-на-Дону, Краснодара, в Киев. Состоялось знакомство с Даниловым, который пригласил его к участию в упомянутой конференции советских аграрников 1961 года (Мошков, 1963: 253–272, 363–364, 366–367). Вышли статьи (Мошков, 1960, 1962). Защита кандидатской состоялась в 1963 году; в 1966 году появилась монография (Мошков, 1966а).

3. «В 1929 году благодаря... успехам социалистической индустрии, снабжавшей деревню тракторами и сельхозмашинами, колхозы и совхозы выросли в серьезную силу» (Краткий курс, 1938: 290).

Н. Г. Кедров отнес монографию Мошкова к числу «творческих прорывов» периода оттепели (Кедров, 2017: 92). Историк, в частности, отметил, что из этой книги берут свои истоки такие сюжеты, как «эволюция советской заготовительной политики и государственного регулирования рынка, фискальное обложение и изменение хозяйственного уклада крестьянского двора, взаимозависимость процессов развития города и деревни», а опосредованно также и тема голода 1932–1933 годов, ставшие ведущими темами современной историографии (Там же). Не случайно также В. А. Ильиных выделил «порожденную оттепелью» книгу Мошкова как одну из «очень немногих работ» советского времени, в которой предпринималась попытка «избежать одномерной трактовки» (Ильиных, 2010: 10). Характерно, что в учебнике советской историографии 1982 года, скрупулезно перечислявшем достижения историков «эпохи социализма», не нашлось места для упоминания имени Мошкова (Историография истории СССР, 1982). Думается, здесь тот случай, когда «факт библиографического умолчания становится историографическим фактом» (Волин, 1980: 122). Что стояло за этим?

Концептуально работа Мошкова не выходила за рамки мейнстрима своего времени и уж тем более не посягала на основы партийной доктрины — это было невозможно даже не по причине наличия цензуры, а прежде всего по внутренним установкам автора. Все необходимые отсылки к последним указаниям партии по сельскому хозяйству в ней также присутствовали. Однако добротное исследование заключало в небольшом объеме богатое фактическое содержание, и факты зачастую говорили сами за себя.

Зерновая проблема определялась как «исторически обусловленное расхождение между производством зерна в СССР и быстро растущим его потреблением» (Мошков, 1966а: 5). Ее возникновение в принципе связывалось с ограниченными возможностями мелкого крестьянского хозяйства и уходило корнями в дореволюционную эпоху, а резкое обострение проблемы к концу 1920-х годов объяснялось целым рядом факторов, накладывавшихся друг на друга: ростом внутридеревенского потребления в годы НЭПа, исчезновением крупных товарных хозяйств в период революции, ростом внедеревенского спроса в связи с курсом государства на ускоренную индустриализацию и соответствующей этому урбанизацией. Решение проблемы, предложенное советским государством, включало два аспекта: с одной стороны, быстрое увеличение производства зерна в стране, с другой — концентрация в руках государства хлебного фонда для централизованного распределения между потребителями вне деревни (рабочие, армия, госаппарат и др.) и непосредственно на нужды промышленности (переработка, экспорт). Коллективизация, то есть замена мелкокрестьянского хозяйства крупным коллективным, наряду с созданием совхозов и МТС, мыслится средством решения первой из двух задач: «Необходимость решения хлебной проблемы требовала скорейшей реорганизации

производства зерна на социалистических началах» (Там же: 54-55). Разумеется, подчеркивался социалистический характер коллективизации, но в контексте зерновой проблемы она представляла прежде всего как мера хозяйственная, нацеленная на увеличение производства сельхозпродукции. Вторая задача решалась посредством хлебозаготовок. Справедливо отмечался специфически социалистический характер и этого механизма, отсутствовавшего в дореволюционной экономике России: «Заготовки сельскохозяйственных продуктов — это присущая социалистической экономике форма организованного и планомерного обмена между городом и деревней» (Там же: 138).

Мошков показал, как в ходе коллективизации колхозы становились главными производителями продукции, роль индивидуального хозяйства быстро падала. Социалистический сектор побеждал, но производительность сельского хозяйства оставалась низкой и даже снижалась. Еще в ранней статье он констатировал, что «в годы первой пятилетки... повышение товарности происходило в условиях некоторого снижения урожайности, валового сбора зерна и выхода продуктов животноводства» (Мошков, 1960: 103). В монографии говорилось лишь о снижении урожайности, которое компенсировалось усиленным расширением посевных площадей. Для адекватной оценки этого аспекта работы важно отметить, что в годы оттепели можно было оперировать только официальными статистическими данными, которые маскировали голодную катастрофу 1932–1933 годов. Достоверность этих данных была предметом дискуссии в зарубежной, но не в советской историографии. Отмечая позитивные сдвиги, Мошков тем не менее констатировал реальные проблемы колхозной экономики: «Потери зерна во время уборки были громадны»; «...в целом техническая база зернового производства оставалась еще слабой. Поступление тракторов пока не успевало возмещать сокращения поголовья лошадей и волов»; «острая нехватка, а часто даже полное отсутствие квалифицированных кадров во всех звеньях»; «основные элементы агротехники (сроки сева, правила ухода за растениями, сроки уборки и обработки полей и т. д.) зачастую не могли быть выдержаны» (Мошков, 1966а: 189, 224, 225, 227) и т. д. Но все это объяснялось «молодостью и новизной самого строя». В 1960-е годы, в период оптимистических прогнозов роста советской экономики и распространения левых идей в мире, такая интерпретация еще выглядела убедительной.

Наиболее интересной представляется та часть книги, которая посвящена планированию и осуществлению хлебозаготовок и централизованного снабжения. Она в значительной мере базировалась на архивных материалах, впервые вводимых в оборот, в частности, содержала хлебофуражный баланс СССР 1928–1932 годов, данные о плановом хлебообороте в стране, доходах колхозников и единоличников и др. Рассматривался ход хлебозаготовительных кампаний 1929, 1930, 1931 и 1932 годов. Их описание

давалось с точки зрения государства (партии), Центра, что обуславливалось и позицией исследователя, и характером его источников. Зерновая проблема представляла как проблема снабжения крупных государственных промышленных предприятий, городов, армии и проблема экспортного потенциала государства, но не как проблема обеспечения крестьян. Деревня, крестьяне должны были находиться на самообеспечении и выступали для государства держателем ресурса, подлежащего изъятию. В условиях промышленного скачка и массированного переселения крестьян в города потребности госсектора возрастали год от года, тогда как число работников на селе сокращалось: «Советское государство должно было удовлетворить спрос на хлеб и другие продукты питания миллионов людей, бывших производителей товарного хлеба, а теперь ставших его потребителями» (Там же: 135). Численность «контингента», находившегося на централизованном снабжении, росла как на дрожжах: 1930 год — 26 млн человек, 1931 год — 33,2 млн, 1932 год — 40,3 млн. Исследователь фиксировал к началу 1930-х «тенденцию к почти полной монополии государства в мобилизации товарного хлеба и крайнему сужению рыночных возможностей»: «Централизация хлебного дела была доведена до конца» (Там же: 124). Мошкову, думается, удалось показать, что система государственных заготовок и их насильственно-нетоварный характер были закономерно обусловленными в рамках сталинской экономической модели — нерыночной, мобилизационной, сверхцентрализованной.

В отличие от сталинской историографии (С. П. Трапезников, М. А. Краев и др.), рисовавшей образ государства, которое величественной поступью планомерно движется к идеалу социализма, на страницах этой книги представляла более живая и сложная историческая картина. В ней действовали «буксирные команды», «комиссии содействия» (хлебозаготовкам), планы, которые корректировались и пересматривались вместе с нормами и списками снабжения, возникали серьезные трудности в ходе заготовительных кампаний на Украине и Северном Кавказе. Здесь, в частности, можно было узнать, что с 1928 по 1932 год нормы потребления сельскохозяйственного населения СССР, даже по официальным данным, в среднем сократились: по хлебным продуктам на 14%, по картофелю на 11%, по мясу, салу, птице, сливочному маслу — в 2,2–2,3 раза (Там же: 136). Что в 1932 году посевные площади в Киевской области (она будет одним из эпицентров голода 1933 года) составили лишь 64,1% плана (Там же: 205). Что высокие потери при уборке вызывались отнюдь не только плохой работой колхозников (пресловутый «саботаж»), но самой системой организации хлебозаготовок, ориентировавшей колхозы на выполнение месячных планов, что заставляло их переключаться на обмолот части урожая, бросив остальное в полях: «Колхозы по распоряжению местных организаций, торопясь с обмолотом, часто оставляли скошенный хлеб

в поле без скирдования, что приводило к осыпанию и потерям зерна» (Там же: 168).

Современные интерпретации истории коллективизации во многом определяются контекстом наших знаний о голоде, постепенно наступавшем на крестьян основных хлебопроизводящих регионов в 1929–1932 годах и достигшем пика в 1933 году; причины голода видятся в политике коллективизации и хлебозаготовок (Дэвис, Уиткрофт, 2011; Кондрашин, 2014; Максудов, 2019 и др.). В советской литературе до 1988 года эта тема была абсолютным табу. Книга Мошкова, писавшаяся вне этого контекста, сегодня концептуально устарела, однако она все еще интересна тем, что показывает другую сторону вопроса. Книга высвечивает основной нерв аграрно-экономической политики начала 1930-х годов: правительство постоянно вращалось в замкнутом круге проблем, когда «контингент», растущий быстрее всяких планов, требовал увеличивать государственное продовольственное снабжение, а перманентная нехватка продовольственных ресурсов требовала сокращать «контингент», нормы снабжения, экспорт. С позиции сегодняшнего дня жестокое, насильственные хлебозаготовки, оставившие деревню без хлеба, выглядят преступно-бессмысленными или, по крайней мере, избыточными. Взгляд с позиции сталинского государства задает иной ракурс: «Объем заготовленного зерна вовсе не оказывался преувеличенным, наоборот, он мог удовлетворять потребности страны не в избытке, а лишь в минимальном размере» (Мошков, 1966а: 136). Внимательный читатель книги приходил к пониманию, что сталинское государство не шло от победы к победе, а скорее латало тришкин кафтан.

К моменту выхода книги идейно-политическая атмосфера в СССР изменилась. Оттепель закончилась. В науке этот рубеж был обозначен назначением Трапезникова на должность заведующего Отделом науки и учебных заведений ЦК КПСС. Одной из первых акций Трапезникова стало уничтожение двухтомной монографии «История коллективизации», подготовленной коллективом академических историков под редакцией Данилова. Мошков выступал рецензентом двухтомника и идейным союзником его авторов. На совещании в ЦК в 1965 году ему запомнилась фраза одного из помощников Трапезникова о том, что книга его коллег «вынимает кирпичики из стены нашего мировоззрения» (подробнее см.: Кедров, 2019). Публикацию запретили. Затем идеологической критике подверглась монография Н. И. Немакова, вышедшая в издательстве МГУ одновременно с книгой Мошкова, за то, что в ней уделялось внимание так называемым «перегибам» при раскулачивании и коллективизации (Немаков, 1966). Вскоре появилась новая каноническая версия истории аграрного вопроса в России — двухтомник самого Трапезникова, призванный укрепить пошатнувшиеся идеологические стены (последнее изд.: Трапезников, 1983). Работа Мошкова избежала критики, но и мало цитировалась в СССР.

И. А. Кузнецов

Памяти ученого:
труды Ю. А. Мошкова и некоторые
проблемы аграрной
историографии

Между тем, по воспоминаниям Юрия Александровича, он получил от коллег, включая зарубежных, массу неформальных положительных откликов на свою книгу. Действительно, к ее материалам в разные годы обращались С. Уиткрофт, Р. Дэвис, М. Таугер, С. Максудов, Ш. Фицпатрик и другие исследователи, пытавшиеся распутывать сложный узел вопросов исчисления урожаев, хлебозаготовок и причин голода в период коллективизации. Опубликованную Мошковым таблицу душевых норм потребления земледельческого и неземледельческого населения неоднократно воспроизводили, интерпретировали и даже назвали «знаменитой» (Дэвис, Уиткрофт, 2011: 439).

* * *

Свой итог оттепельного этапа историографии коллективизации Мошков подвел в статье 1967 года (Мошков, 1967). Затем он попытался принять участие в дискуссии о новой экономической политике и ее периодизации, которая шла на страницах журнала «Вопросы истории КПСС» в 1966–1968 годах. Сталинская концепция утверждала, что НЭП продолжался до 1937 года, но многие историки уже понимали, что он закончился в момент «великого перелома». Мошков аргументировал этот тезис, однако журнал не напечатал его статью, негативно упомянув о ней в редакционном заключении к дискуссии (подробнее см.: Данилов, 1988: 122–124). Высказать свои взгляды ему все же удалось в форме выступлений на конференциях (Мошков, 1971а; Мошков, 1971б: 150–154, 195).

Аргументация строилась следующим образом. Выделялся ряд определенных черт, присущих НЭПу: 1) наличие в стране частной торговли и элементов капитализма; 2) существование товарооборота и денежного хозяйства; 3) использование хозрасчета на госпредприятиях; 4) существование массы единоличных крестьянских хозяйств, экономическое взаимодействие с которыми государство вело на основе продналога (денежного сельхозналога). Затем историк показывал, как все эти элементы либо исчезали, либо минимизировались, либо сущностно трансформировались на рубеже 1920–1930-х годов, что и должно означать завершение НЭПа. В заключение ставился вопрос, подлежащий будущему изучению: как следует определять экономическую политику, пришедшую в 1930-е годы на смену НЭПу? Мошков не давал однозначного определения, но отмечал, «что главное отличие новой политики — строжайшая централизация хозяйственного руководства во всех сферах народного хозяйства, жесткое государственное регламентирование экономических отношений, в том числе с крестьянством, вынужденное свертывание торговой смычки, сосредоточение в руках государства функций распределения и снабжения, главным образом внерыноч-

ным путем, в интересах индустриализации» (Мошков, 1971а: 94). Аргументы Мошкова тогда не были приняты.

Адекватная датировка конца НЭПа утвердилась в советской историографии лишь в конце 1980-х годов, когда она уже не нуждалась в доказательстве. Вопрос же о природе сложившейся в 1930-е годы социально-экономической системы стал в годы перестройки исходной точкой для переосмысления всего советского опыта.

С конца 1960-х годов научная работа Юрия Александровича сконцентрировалась на проблематике кафедры источниковедения МГУ, которая под руководством И. Д. Ковальченко взяла курс на использование математико-статистических методов анализа массовых источников. Его направлением в русле кафедральной специализации стала разработка статистических источников по экономической истории сельского хозяйства советского периода. Ему принадлежит соответствующая глава университетского учебника (в соавторстве с В. З. Дробижевым) и раздел в коллективной монографии по массовым источникам, который сохраняет свое значение и сегодня (Мошков, 1979б). В особенности его внимание привлекал такой источник, как отчеты колхозов, различным аспектам которого он в разные годы посвятил ряд статей и выступлений (Мошков, 1973, 1979а, 2004, 2006). Для студентов кафедр отечественной истории он на протяжении многих лет читал общий курс советской историографии, а также спецкурсы по аграрной тематике 1920–1930-х годов, иногда заходившие и в военный и послевоенный периоды. Его деятельность по изучению истории Великой Отечественной войны и сохранению памяти об историках-фронтовиках заслуживает отдельной статьи. Высокая планка качества и открытость новым научным идеям, заданные Ковальченко и поддерживавшиеся Мошковым, сформировали в профессиональной среде и, что не менее важно, — в студенческой среде истфака в высшей степени уважительное отношение к кафедре источниковедения как к центру изучения истории XX века.

В 1982 году историки круга Данилова подготовили обзорную монографию о коллективизации, в которой Мошков написал центральную главу «Массовая коллективизация» (Вылцан и др., 1982: 189–286). Книга не стала научным прорывом, однако адекватно отразила состояние изученности вопроса и концептуальные рамки, сложившиеся к концу «развитого социализма».

* * *

Перестройка породила новую волну десталинизации, а обострение продовольственной проблемы в стране — всплеск общественного интереса к ситуации в сельском хозяйстве СССР, которые на начальном этапе во многом воскресили дискурсы оттепели. На одном из первых круглых столов советских историков осенью 1988 года

И. А. Кузнецов

Памяти ученого:
труды Ю. А. Мошкова и некоторые проблемы аграрной историографии

обсуждалась задача переосмысления концепции коллективизации для подготовки нового обобщающего труда. В своем выступлении Юрий Александрович тогда призвал коллег не спешить с новой книгой: «Не устареет ли она вскоре после выхода в свет?» (Коллективизация, 1989: 7). Действительно, наступивший вскоре конец советской государственности произвел тектонические сдвиги, в том числе в осмыслении прошлого, во многом обнулив прежние концепции.

Изменились и условия работы историков. Во-первых, рухнули все идеологические «стены», историки теперь обладали свободой мысли, творчества и дискуссий. Во-вторых, заниматься историей и публиковаться получили возможность все желающие, в общественном сознании научный дискурс стал на равных конкурировать с профанным. В-третьих, что особенно важно для специалистов по XX веку, расширился круг исторических источников, рассекречивались архивы, стала доступной изучению устная история. В-четвертых, что важно для историков-аграрников, в 1990-е годы прекратили свое существование колхозы и совхозы с их системой управления, а также стремительно исчезали остатки традиционной деревни и крестьянства. С точки зрения исторической науки это означало, что коллективизация и созданный ею аграрный строй, бывшие до сих пор частью современности, уходили в прошлое и тем самым переходили в разряд объектов подлинно исторического изучения.

Историки-аграрники поколения оттепели оказались в целом на высоте вставших перед ними вызовов. Они отказались писать новую единую историю коллективизации. Те из них, кто в советские годы выпустил идеологически заданные книги, написали другие, в которых рассматривали те же сюжеты на новых источниках и в новых ракурсах. Данилов и Мошков не создали новых монографий, очевидно, предоставив это более молодому поколению. По инициативе Данилова возникли два действительно новых направления работы, которые поднимали постсоветскую аграрную историографию на уровень современной социальной науки: теоретический семинар и проекты по изданию архивных документов.

Семинар «Современные концепции аграрного развития» действовал с 1992 по 2000 год под руководством Данилова на базе Института Теодора Шанина. На каждом из 15 состоявшихся заседаний обсуждалась какая-либо книга или концепция зарубежного ученого, посвященная истории или социологии крестьянства. Материалы публиковались в журнале «Отечественная история». Семинар сыграл огромную роль в развитии проблематики российской аграрной историографии и становлении новой культуры научной полемики. Мошков был одним из постоянных его участников (Мошков, 2015).

Фундаментальные издательские проекты по аграрной истории — «Трагедия советской деревни» в пяти томах и «Советская

деревня глазами ВЧК–ОГПУ–НКВД» в четырех томах — вводили в публичный оборот ранее секретные документы из архивов. Публикации готовились на высоком научном уровне, с развернутыми историческими и археографическими предисловиями и комментариями. Над ними трудились целые коллективы российских историков и архивистов в коллаборации с зарубежными коллегами. В первом из этих изданий Мошков выступал редактором 4-го тома и членом редколлегии 5-го тома, а во втором — соредактором 4-го тома; ему принадлежат и содержательные предисловия к соответствующим томам (Мошков, 2002б; Советская деревня, 2012: 12–34). Во втором его соавторами были А. Берелович, Н. Верт и С. А. Красильников.

Помимо этого, Юрий Александрович активно участвовал в работе Симпозиума по аграрной истории Восточной Европы. Его выступления там не ломали никаких «стен», но закладывали «кирпичики» в фундамент объективного знания (Мошков, 1966б, 1984, 1996, 1998, 2001, 2000, 2003 и др.). В том же ряду стоят его последние статьи конца 1990-х — 2000-х годов, построенные на новых архивных материалах, в фокусе которых находится сельское хозяйство 1930-х годов и проблемы сельскохозяйственной статистики (Мошков, 1997, 2002а, 2006).

Н. Г. Кедров, высоко оценив вклад Мошкова в историографию коллективизации, обратил внимание на расхождение его концепции с концепцией Данилова. По мнению современного историка, работы Данилова о доколхозной деревне «давали отрицательный ответ на главный вопрос... об объективных предпосылках коллективизации» (Кедров, 2017: 88). В то же время «Зерновая проблема» Мошкова показала коллективизацию именно «как закономерный результат развития объективных процессов производства и потребления» (Там же: 89). Следует отметить, что сам Юрий Александрович в частном порядке выразил тогда несогласие, сказав автору данной статьи, что его роль «в контексте историографии коллективизации» представлена преувеличенной, а стремление отделить его позицию от позиции Данилова неправомерно. Он относил себя, как и Данилова, к поколению коммунистов, которые «в партию вступали на фронте» (читай, не ради карьеры), в годы оттепели поддержали стремление к исторической правде, а затем вместе противостояли диктату бюрократии в науке и попыткам возродить сталинизм, выступая за право ученых на собственную точку зрения. Принципиальное единство, существовавшее по этим вопросам между всеми историками круга Данилова, к которому Юрий Александрович причислял и себя, он считал важнее отдельных разногласий.

Думается, самооценку ученого нельзя не принимать во внимание в дискуссии о его концепции. Однако отмеченное Кедровым концептуальное расхождение действительно имеет место. Вероятно, его причина кроется в сложности и многофакторности само-

го процесса коллективизации, отражение которой обнаруживается и в сознании участников событий, и в созданных ими исторических источниках, и в противоречиях «Краткого курса», и в последующих работах историков. Данилов разрабатывал линию объяснения коллективизации как воплощения коммунистического социального идеала — артельного, кооперативного хозяйства. Исследования деревни 1920-х годов приводили его к заключению, что специфический мир крестьянской семейной экономики и деревенской культуры имел некоторые предпосылки лишь для эволюционного движения по пути кооперирования крестьянства в духе идей А. В. Чаянова. С этой точки зрения сталинская коллективизация представляла у Данилова не воплощением идеи социализма, а чудовищным ее искажением, порождением сталинского волюнтаризма. Воля диктатора оказывалась, по существу, основной предпосылкой коллективизации. Мысль о том, что социализм есть утопия, а коллективизация имеет какое-то другое содержание, и ее предпосылки надо искать в иной плоскости, отторгалась. Можно согласиться с мнением Кедрова, что взгляды Данилова со временем «развивались в направлении постулатов тоталитарной историографии» и в его работах «второй половины 1990-х — первой половины 2000-х годов история коллективизации... излагалась целиком и полностью посредством описания деятельности сталинского государства» (Кедров, 2019: 32, 35). Так или иначе, труды Данилова и его ближайших коллег создали исследовательскую парадигму, в центре которой стоит вопрос взаимоотношений крестьянства и государства. Сегодня парадигма «крестьянство и власть» является ведущей в аграрной историографии, формируя тематику научных конференций, аграрного Симпозиума и различных круглых столов.

Мошков изначально разрабатывал другую линию, в которой коллективизация связывалась с решением проблемы мобилизации ресурсов для ускоренной индустриализации. Разумеется, эта объяснительная модель не снимает вопроса о наличии целого комплекса иных факторов, в том числе доктринальных, вызвавших к жизни коллективизацию как глубоко трагическое явление в истории нашей страны. Юрий Александрович в последние годы не раз подчеркивал, что его представление о коллективизации в конечном итоге стало гораздо более сложным и многоплановым, чем было в начале работы в наивные 1960-е. Но важно отметить, что работы Мошкова 1960-х годов открыли в советской историографии эту исследовательскую парадигму. В ней центр внимания переносится с политических и социальных на организационно-производственные аспекты коллективизации и аграрного строя СССР. Предметом изучения становятся системы земледелия и землепользования, севообороты, технологии, планирование, организация труда, урожайность и продуктивность в колхозах и совхозах, сельскохозяйственная статистика и т. д. Именно этим вопросам были посвящены и последние его статьи.

Современный период историографии, если взять его в границах последних 25 лет, характеризуется высоким количественным приростом публикаций по истории коллективизации и колхозной деревни, в особенности на материалах регионов и на уровне микроистории. К сожалению, публикационная активность не пропорциональна приращению реального знания. Научное наследие, оставленное Мошковым, выгодно выделяется на этом фоне: сравнительно небольшое число весьма содержательных работ, наметивших целый ряд перспективных исследовательских сюжетов.

* * *

Юрий Александрович прожил долгую — целый век — и, как мне кажется, счастливую жизнь. Рядом с ним всегда была его любимая Марина Глебовна, замечательный человек и ученый-археолог. Он всю жизнь пел. Красивым, сильным баритоном. И сам был красивым и сильным человеком, всегда державшим спину прямо. До последних дней сохранял ясность ума и более того — трезвомыслие, с легким ироническим оттенком. Нечастые и недолгие, к сожалению, разговоры с ним, в последние годы преимущественно телефонные, всякий раз придавали мне мощный заряд бодрости духа. Университетский учитель, он умел быть примером для своих учеников.

Библиография

- Богданов В. П. (2020). Командир отделения фронтового ансамбля, профессор Московского университета: Юрий Александрович Мошков // Судьбы творцов российской науки и культуры. Т. 7 / Автор-сост. И. В. Ильин и др. М.: Полиграф сервис. С. 83–91.
- Волин И. С. (1980). О разнотипности историографических источников // Методологические и теоретические проблемы истории исторической науки. Калинин. С. 121–123.
- Вылцан М. А., Данилов В. П., Кабанов В. В., Мошков Ю. А. (1982). Коллективизация сельского хозяйства в СССР: пути, формы, достижения. М.: Колос.
- Голиков А. Г., Абрамова Н. Г. (2022). Гражданин и педагог. К 100-летию Юрия Александровича Мошкова // Вестник Московского университета. Серия 8: История. № 2. С. 3–12.
- Данилов В. П. (1988). 20-е годы: НЭП и борьба альтернатив // Историка спорят. 13 бесед / Под общ. ред. В. С. Лельчука. М.: Политиздат. С. 122–137.
- Данилов В. П. (1971). Некоторые итоги и направления изучения истории советского крестьянства // Проблемы аграрной истории советского общества. Материалы научной конференции 9–12 июня 1969 г. М.: Наука.
- Данилов В. П. (1957). Создание материально-технических предпосылок коллективизации сельского хозяйства в СССР. М.: Изд-во Академии наук.
- Документы свидетельствуют. (1989). Из истории деревни накануне и в ходе коллективизации, 1927–1932 гг. М.: Политиздат.
- Дэвис Р., Уиткрофт С. (2014). Годы голода. Сельское хозяйство СССР, 1931–1933. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН).

- Ильиных В. А.* (2010). Хроники хлебного фронта (заготовительные кампании конца 1920-х гг. в Сибири). М.: РОССПЭН.
- Историография истории СССР (эпоха социализма). (1982). Учебник / Под ред. И. И. Минца. М.: Высшая школа.
- История Всесоюзной коммунистической партии (большевиков). Краткий курс (1938) / Под редакцией комиссии ЦК ВКП(б). М.; Л., 1938.
- Кедров Н. Г.* (2019). Четыре концепции коллективизации В. П. Данилова // Крестьяноведение. Т. 4. № 3. С. 6–42.
- Кедров Н. Г.* (2017). Юрий Александрович Мошков в контексте историографии коллективизации // Крестьяноведение. Т. 2. № 3. С. 76–96.
- Коллективизация (1989): истоки, сущность, последствия. Беседа за «круглым столом» // История СССР. № 3. С. 3–62.
- Кондрашин В. В.* (2014). Хлебозаготовительная политика в годы первой пятилетки и ее результаты (1929–1933 гг.). М.: Политическая энциклопедия.
- Краев М. А.* (1954). Победа колхозного строя в СССР. М.: Гос. изд-во полит. литературы.
- Максудов С.* (2019). Победа над деревней: демографические потери коллективизации. М.; Челябинск: Социум.
- Мошков Ю. А.* (1960). Политика государственных заготовок в годы социалистической реконструкции сельского хозяйства // История СССР. 1960. № 4. С. 101–111.
- Мошков Ю. А.* (1962). Борьба Коммунистической партии за разрешение зерновой проблемы в годы сплошной коллективизации сельского хозяйства // Вестник Московского университета. Серия 8: История. 1962. № 4. С. 18–35.
- Мошков Ю. А.* (1963). Зерновая проблема в годы коллективизации сельского хозяйства // История советского крестьянства и колхозного строительства в СССР. Материалы научной сессии, состоявшейся 18–21 апреля 1961 г. в Москве. М.: Издательство АН СССР, 1963. С. 253–272.
- Мошков Ю. А.* (1966а). Зерновая проблема в годы сплошной коллективизации сельского хозяйства СССР (1929–1932 гг.). М.: Изд-во МГУ, 1966. — 231 с.
- Мошков Ю. А.* (1966б). Сплошная коллективизация в СССР и стимулирование сельскохозяйственного производства // Тезисы докладов и сообщений девятой (Таллинской) сессии симпозиума по аграрной истории Восточной Европы. Таллин, 1966. С. 229–231.
- Мошков Ю. А.* (1967). Основные вопросы историографии сплошной коллективизации сельского хозяйства СССР // Очерки по историографии советского общества. Сборник статей. М.: МГУ, 1967. С. 158–177.
- Мошков Ю. А.* (1971а). К вопросу о заключительном этапе НЭПа // Историческое значение новой экономической политики (в связи с 50-летием перехода к НЭПу). Всесоюзная сессия: Материалы обсуждения. Вып. 1. М.: Наука, 1971. С. 79–95.
- Мошков Ю. А.* (1971б). Решающий этап осуществления ленинского кооперативного плана и вопрос о заключительной стадии НЭПа // Проблемы аграрной истории советского общества. Материалы научной конференции 9–12 июня 1969 г. М.: Наука. С. 150–154.
- Мошков Ю. А.* (1973). Опыт применения корреляционного анализа в изучении отчетов о распределении колхозных доходов в начале массовой коллективизации (по материалам Северокавказского края) // Источниковедение отечественной истории. Вып. 1. М.: Наука. С. 378–394.
- Мошков Ю. А.* (1979а). Происхождение и эволюция годовых отчетов социалистических сельскохозяйственных предприятий как массовых исторических источников // Актуальные проблемы источниковедения истории СССР, специальных исторических дисциплин и их преподавание в вузах: Тезисы докладов III Всесоюзной конференции. Новороссийск. Ч. 2. М. С. 169–173.
- Мошков Ю. А.* (1979б). Статистика сельскохозяйственного производства СССР // Массовые источники по социально-экономической истории советского общества. М.: Изд-во МГУ. С. 196–226.

- Мошков Ю. А. (1984). Демографические изменения в деревне СССР в годы первых пятилеток // Социально-демографические аспекты развития производительных сил деревни. XX сессия Всесоюзного симпозиума по изучению проблем аграрной истории: Тезисы докладов и сообщений. Таллин. С. 37–39.
- Мошков Ю. А. (1988). Механизаторы как социально-профессиональный слой сельского населения в 1930-х гг. // Особенности российского земледелия и проблемы населения IX–XX вв. XXVI сессия Симпозиума по аграрной истории Восточной Европы: Тезисы докладов и сообщений. М. С. 149–152.
- Мошков Ю. А. (1996). Трактор в сельском хозяйстве страны в 30-х годах // Аграрные технологии в России, IX–XX вв. XXV сессия Симпозиума по аграрной истории Восточной Европы: Тезисы докладов и сообщений. М. С. 156–158.
- Мошков Ю. А. (1997). Сельскохозяйственное производство в СССР в 30-е гг. // Вестник Московского университета. Серия 8: История. № 3. С. 46–75.
- Мошков Ю. А. (2000). О передовых колхозах СССР 1930-х годов // Зажиточное крестьянство России в исторической ретроспективе (Землевладение, землепользование, производство, менталитет). XXVII сессия Симпозиума по аграрной истории Восточной Европы: Тезисы докладов и сообщений. М. С. 189–193.
- Мошков Ю. А. (2001). Механизаторы как социально-профессиональный слой сельского населения СССР в 1930-х гг. // Информационный бюллетень научного семинара «Индустриализация в России»: Итоги пятилетней деятельности. Вып. 12. М.: Изд-во МГУ. С. 76–87.
- Мошков Ю. А. (2002а). Производство зерна, хлебозаготовки и урожайная статистика в 1930-х гг. // Россия в XX веке: Реформы и революции. В 2 т. / Под ред. Г. Н. Севостьянова. М.: Наука. С. 591–604.
- Мошков Ю. А. (2002б). Советское сельское хозяйство и крестьянство в середине 1930-х гг. // Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. 1927–1939: Документы и материалы. В 5 т. Т. 4: 1934–1936. М.: РОССПЭН. С. 7–38.
- Мошков Ю. А. (2003). Землепользование колхозов в 1930-х гг. // Землевладение и землепользование в России (социально-правовые аспекты): Материалы XXVIII сессии Симпозиума по аграрной истории Восточной Европы. Калуга. С. 331–341.
- Мошков Ю. А. (2004). Годовые отчеты колхозов 1930-х годов — ценнейший источник по истории становления колхозной системы в СССР // Динамика и темпы аграрного развития России: инфраструктура и рынок. XXIX сессия Симпозиума по аграрной истории Восточной Европы: Тезисы докладов и сообщений. М. С. 136–139.
- Мошков Ю. А. (2006). Экономические аспекты становления колхозной системы: информационный потенциал годовых отчетов колхозов 1930-х годов // Экономическая история. Обзорение. Вып. 12. М.: МГУ. С. 113–123.
- Мошков Ю. А. (2015). [Выступления на семинарах «Современные концепции аграрного развития» 1992–2000 гг.] // Современное крестьяноведение и аграрная история России в XX веке / Под ред. В. В. Бабашкина. М.: Политическая энциклопедия. С. 205–208, 293–295, 385–389, 453–454, 503–505, 540–542, 586–587, 627–629, 679–680.
- Мошков Ю. А., Красильников С. А., Верт Н., Берелович А. Я. (2012). Введение // Советская деревня глазами ВЧК–ОГПУ–НКВД. 1918–1939. Документы и материалы. В 4 т. Т. 4. 1935–1939 гг. М.: РОССПЭН, 2012. С. 12–34.
- Мошков Юрий Александрович (2010) // Участники Великой Отечественной войны 1941–1945 годов — вершители Победы / Н. М. Данилкович и др. М.: Изд-во Московского университета. С. 76–77.
- Мошков Юрий Александрович (2004) // Энциклопедический словарь Московского университета. Исторический факультет / Под общ. ред. С. П. Карпова. М.: Изд-во Московского университета; РОССПЭН. С. 312–313.
- Немаков Н. И. (1966). Коммунистическая партия — организатор массового колхозного движения (1929–1932 гг.). М.: МГУ.

Советская деревня глазами ВЧК–ОГПУ–НКВД. 1918–1939. Документы и материалы. (2012). Т. 4. 1935–1939 гг. М.: РОССПЭН.

Трапезников С. П. (1951). Борьба партии большевиков за коллективизацию сельского хозяйства в годы первой сталинской пятилетки. М.

Трапезников С. П. (1983). Ленинизм и аграрно-крестьянский вопрос. В 2 т. 3-е изд. М.: Мысль.

In memory of the scholar: Works of Yu.A. Moshkov and some issues of agrarian historiography

Igor A. Kuznetsov, PhD (History), Senior Researcher, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration; Vernadskogo Prosp., 82, Moscow, 119571, Russia. E-mail: repytwd68@mail.ru

Abstract. Yuri Aleksandrovich Moshkov (April 6, 1922 — August 30, 2022), a prominent Russian agrarian historian, whose works outlined the main directions in the study of the economic aspects in the history of collectivization and the collective-farm sector of Soviet agriculture, passed away. During his long creative life, the Russian historiography came a long way from the formation of the scientific paradigm for the study of Soviet history during the thaw period, through the methodological crisis of *perestroika* to the “archival revolution” of the 1990s and the subsequent period of obtaining new sources and choosing new theoretical models under the ideological diversity. The author pays tribute to the memory of his university teacher, highly appreciates his personal contribution, and expresses some general thoughts about the development paths and issues of the Russian agrarian historiography in the second half of the 20th — early 21st century.

Keywords: historiography, thaw period, *perestroika*, Yu.A. Moshkov, V.P. Danilov

References

- Bogdanov V. P. (2020) Komandir otdeleniya frontovogo ansamblya, professor Moskovskogo universiteta: Yuri Aleksandrovich Moshkov [Commander of the department in the front-line ensemble, Professor of the Moscow University: Yuri Aleksandrovich Moshkov]. *Sudby tvortsov rossijskoj nauki i kultury*, vol. 7, Moscow: Poligraf service, pp. 83–91.
- Danilov V. P. (1971) Nekotorye itogi i napravleniya izucheniya istorii sovetskogo krestyanstva [Some results and directions in the study of the history of the Soviet peasantry]. *Problemy agrarnoy istorii sovetskogo obshchestva*, Moscow: Nauka.
- Danilov V. P. (1957) *Sozdaniye materialno-tehnicheskikh predposylok kollektivizatsii sel'skogo khozyaystva v SSSR* [Creation of the Material-Technical Prerequisites for the Agricultural Collectivization in the USSR], Moscow: Izd-vo Akademii nauk.
- Danilov V. P. (1988) 20-e gody: NEP i borba alternativ [1920s: NEP and the struggle of alternatives]. *Istoriki sporyat. 13 besed.* V. S. Lelchuk (Ed.). Moscow: Politizdat, pp. 122–137.
- Davis R., Wheatcroft S. (2011) Gody goloda. Selskoe khozyaystvo SSSR, 1931–1933 [Years of Hunger. Soviet Agriculture in 1931–1933]. Moscow: Rosspen.
- Dokumenty svidetelstvuyut (1989) Iz istorii derevni nakanune i v khode kollektivizatsii, 1927–1932 gg.* [Documents Testify. From the History of the Village on the Eve and During Collectivization, 1927–1932], Moscow: Politizdat.
- Golikov A. G., Abramova N. G. (2022) Grazhdanin i pedagog. K 100-letiyu Yuriya Aleksandrovicha Moshkova [Citizen and teacher. To the 100th anniversary of Yuri Aleksandrovich Moshkov]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 8: Istoriya*, no 2.

- Ilinykh V. A. (2010) *Khroniki khlebnogo fronta (zagotovitelnyye kampanii kontsa 1920-h gg. v Sibiri)* [Chronicles of the Grain Front (Procurement Campaigns in the Late 1920s in Siberia)], Moscow: Rosspen.
- Istoriografiya istorii SSSR (epokha sotsializma)* (1982) [Historiography of the Soviet History (Socialist Era)]. I. I. Mints (Ed.), Moscow: Vysshaya shkola.
- Istoriya Vsesoyuznoy kommunisticheskoy partii (bolshevikov). Kratky kurs* (1938). [History of the All-Union Communist Party (Bolsheviks). A Short Course], Moscow–Leningrad.
- Kedrov N. G. (2017) Yuri Aleksandrovich Moshkov v kontekste istoriografii kollektivizatsii [Yuri Alexandrovich Moshkov in the context of collectivization historiography]. *Russian Peasant Studies*, vol. 2, no 3, pp. 76–96.
- Kedrov N. G. (2019) Chetyre kontseptsii kollektivizatsii V. P. Danilova [Four concepts of collectivization by V. P. Danilov]. *Russian Peasant Studies*, vol. 4, no 3, pp. 6–42.
- Kollektivizatsiya (1989): istoki, sushchnost, posledstviya. Beseda za “kruglym stolom” [Collectivization: Origins, essence, consequences. Conversation at the “round table”]. *Istoriya SSSR*, no 3, pp. 3–62.
- Kondrashin V. V. (2014) *Khlebozagotovitel'naya politika v gody pervoy pyatiletki i ee rezultaty (1929–1933 gg.)* [Grain Procurement Policy During the First Five-Year Plan and Its Results (1929–1933)], Moscow: Politicheskaya entsiklopediya.
- Kraev M. A. (1954) *Pobeda kolkhoznoy stroya v SSSR* [Victory of the Collective-Farm System in the USSR], Moscow: Gos. izd-vo polit. literatury.
- Maksudov S. (2019) *Pobeda nad derevney: demograficheskie poteri kollektivizatsii* [Victory over the Countryside: Demographic Losses of Collectivization], Moscow–Chelyabinsk: Sotsium.
- Moshkov Yu. A. (1966a) *Zernovaya problema v gody sploshnoy kollektivizatsii selskogo khozyaystva SSSR (1929–1932 gg.)*. [Grain Problem in the Years of Complete Collectivization of Agriculture in the USSR (1929–1932)], Moscow: Isdatelstvo MGU.
- Moshkov Yu. A. (1967) Osnovnye voprosy istoriografii sploshnoy kollektivizatsii selskogo khozyaystva SSSR [The main questions in the historiography of the complete collectivization of agriculture in the USSR]. *Ocherki po istoriografii sovetского obshchestva*, Moscow: MGU, pp. 158–177.
- Moshkov Yu. A. (1971a) K voprosu o zaklyuchitel'nom etape NEPa [On the final stage of the NEP]. *Istoricheskoe znachenie novoy ekonomicheskoy politiki (v svyazi s 50-letiem perekhoda k nepu)*, vol. 1. Moscow: Nauka, pp. 79–95.
- Moshkov Yu. A. (1971b) Reshayushchy etap osushchestvleniya leninskogo kooperativnogo plana i vopros o zaklyuchitel'noy stadii NEPa [The decisive stage in the implementation of Lenin's cooperative plan and the question of the final stage in the NEP]. *Problemy agrarnoy istorii sovetского obshchestva*, Moscow: Nauka, pp. 150–154.
- Moshkov Yu. A. (1973) Opyt primeneniya korrelyatsionnogo analiza v izuchenii otchetov o raspredelenii kolkhoznih dokhodov v nachale massovoy kollektivizatsii (po materialam Severokavkazskogo kraya) [The use of correlation analysis in the study of reports on the distribution of collective farm incomes at the beginning of mass collectivization (based on the data from the North Caucasian Region)]. *Istochnikovedenie otechestvennoy istorii*, vol. 1, pp. 378–394.
- Moshkov Yu. A. (1996) Traktor v selskom khozyaystve strany v 30-h godah [Tractor in the national agriculture in the 1930s]. *Agrarnye tekhnologii v Rossii, IX — XX vv.* Moscow, pp. 156–158.
- Moshkov Yu. A. (1997) Selskokhozyaystvennoe proizvodstvo v SSSR v 30-e gg. [Agricultural production in the USSR in the 1930s]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 8: Istoriya*, no 3, pp. 46–75.
- Moshkov Yu. A. (2000) O peredovyh kolkhozah SSSR 1930-h godov [On the leading collective farms of the USSR in the 1930s]. *Zazhitochnoe krestyanstvo Rossii v istoricheskoy retrospektive (Zemlevladienie, zemlepolzovanie, proizvodstvo, mentalitet)*. Moscow, pp. 189–193.

И. А. Кузнецов

Памяти ученого:
труды Ю. А. Мошкова и некоторые
проблемы аграрной
историографии

- Moshkov Yu.A. (2001) Mekhanizatory kak sotsialno-professionalny sloj selskogo naseleniya SSSR v 1930-h gg. [Machine operators as a social-professional stratum of the Soviet rural population in the 1930s.]. *Informatsionny byulleten nauchnogo seminar "Industrializatsiya v Rossii": Itogi pyatiletney deyatelnosti*, vol. 12, Moscow: Izdatelstvo MGU, pp. 76–87.
- Moshkov Yu.A. (2002a) Proizvodstvo zerna, khlebozagotovki i urozhaynaya statistika v 1930-h gg. [Grain production, grain procurement and harvest statistics in the 1930s.] *Rossiya v XX veke: Reformy i revolyutsii*, in 2 vols. G. N. Sevostyanov, Moscow: Nauka, pp. 591–604.
- Moshkov Yu.A. (2002b) Sovetskoe selskoe khozyaystvo i krestyanstvo v seredine 1930-h gg. [Soviet agriculture and the peasantry in the mid-1930s]. *Tragediya sovetskoy derevni. Kollektivizatsiya i raskulachivanie. 1927–1939: Dokumenty i materialy*, in 5 vols. Vol. 4: 1934–1936. Moscow: Rosspen, pp. 7–38.
- Moshkov Yu.A. (2003) Zemlepolzovanie kolkhozov v 1930-h gg. [Land use of collective farms in the 1930s]. *Zemlevladieniye i zemlepolzovaniye v Rossii (sotsialno-pravovyye aspekty)*, Kaluga, pp. 331–341.
- Moshkov Yu.A. (2004) Godovye otchety kolkhozov 1930-h godov — tsenneyshiy istochnik po istorii stanovleniya kolkhoznoy sistemy v SSSR [Annual reports of collective farms of the 1930s as the most valuable source on the history of the collective-farm system in the USSR]. *Dinamika i tempy agrarnogo razvitiya Rossii: infrastruktura i ry-nok*, Moscow, pp. 136–139.
- Moshkov Yu.A. (2006) Ekonomicheskie aspekty stanovleniya kolkhoznoy sistemy: informatsionny potentsial godovykh otchetov kolkhozov 1930-h godov [Economic aspects of the formation of the collective-farm system: Information potential of the collective farms' annual reports in the 1930s]. *Ekonomicheskaya istoriya. Obozrenie*, vol. 12, pp. 113–123.
- Moshkov Yu.A. (2015) Vystupleniya na seminarah "Sovremennyye kontseptsii agrarnogo razvitiya" 1992–2000 gg. [Presentations at the seminars "Contemporary concepts of the agrarian development" 1992–2000]. *Sovremennoye krestyanovedeniye i agrarnaya istoriya Rossii v XX veke*. V. V. Babashkin (Ed.), Moscow: Politicheskaya entsiklopediya, pp. 205–208, 293–295, 385–389, 453–454, 503–505, 540–542, 586–587, 627–629, 679–680.
- Moshkov Yu.A. (1960) Politika gosudarstvennykh zagotovok v gody sotsialisticheskoy rekonstruktsii selskogo khozyaystva [The state procurement policy in the years of the socialist reconstruction of agriculture]. *Istoriya SSSR*, no 4, pp. 101–111.
- Moshkov Yu.A. (1962) Borba Kommunisticheskoy partii za razresheniye zernovoy problemy v gody sploshnoy kollektivizatsii selskogo khozyaystva [The struggle of the Communist Party to solve the grain problem under the complete collectivization of agriculture]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 8: Istoriya*, no 4, pp. 18–35.
- Moshkov Yu.A. (1963) Zernovaya problema v gody kollektivizatsii selskogo khozyaystva [Grain problem in the years of agricultural collectivization]. *Istoriya sovetskogo krestyanstva i kolkhoznogo stroitelstva v SSSR*, Moscow: Izdatelstvo AN SSSR, pp. 253–272.
- Moshkov Yu.A. (1966b) Sploshnaya kollektivizatsiya v SSSR i stimulirovaniye selskokhozyaystvennogo proizvodstva [Complete collectivization in the USSR and stimulation of agricultural production]. *Tezisy dokladov i soobshcheniy devyatoy (Tallinnskoy) sessii simpoziuma po agrarnoy istorii Vostochnoy Evropy*, Tallin, pp. 229–231.
- Moshkov Yu.A. (1979a) Proiskhozhdeniye i evolyutsiya godovykh otchetov sotsialisticheskikh selskokhozyaystvennykh predpriyatiy kak massovykh istoricheskikh istochnikov [Origin and evolution of the annual reports of the socialist agricultural enterprises as mass historical sources]. *Aktualnyye problemy istochnikovedeniya istorii SSSR, spetsialnykh istoricheskikh distsiplin i ih prepodavaniye v vuzah: Tezisy dokladov III Vsesoyuznoy konferentsii*, Novorossiysk, vol. 2, pp. 169–173.

- Moshkov Yu.A. (1976) Statistika selskokhozyaystvennogo proizvodstva SSSR [Statistics of agricultural production in the USSR]. *Massovye istochniki po sotsialno-ekonomicheskoy istorii sovetskogo obshchestva*, Moscow: Izdatelstvo MGU, pp. 196–226.
- Moshkov Yu.A. (1984) Demograficheskie izmeneniya v derevne SSSR v gody pervyh pyatiletok [Demographic changes in the Soviet countryside during the first five-year plans]. *Sotsialno-demograficheskie aspekty razvitiya proizvoditelnyh sil derevni*, Tallinn, pp. 37–39.
- Moshkov Yu.A. (1988) Mekhanizatory kak sotsialno-professionalny sloj selskogo naseleniya v 1930-h gg. [Machine operators as a social-professional stratum of the rural population in the 1930s]. *Osobennosti rossiyskogo zemledeliya i problemy rasseleniya IX — XX vv.*, Moscow, pp. 149–152.
- Moshkov Yu.A., Krasilnikov S. A., Vert N., Berelovich A.Ya. (2012) Vvedenie [Introduction]. *Sovetskaya derevnaya glazami VChK–OGPU–NKVD. 1918–1939. Dokumenty i materialy* in 4 vols. Vol. 4. 1935–1939, Moscow: Rosspen.
- Moshkov Yuri Aleksandrovich (2004) *Entsiklopedichesky slovar Moskovskogo universiteta. Istorichesky fakultet* [Encyclopedic Dictionary of the Moscow University. Faculty of History]. S. P. Karpov (Ed.), Moscow: Izdatelstvo MGU, Rosspen, pp. 312–313.
- Moshkov Yuriy Aleksandrovich (2010) *Uchastniki Velikoy Otechestvennoy Voyny 1941–1945 godov — verшитeli Pobedy* [Participants of the Great Patriotic War of 1941–1945 — Masters of the Victory]. N. M. Danilkovich et al. (Eds.), Moscow: Izdatelstvo MGU, pp. 76–77.
- Nemakov N. I. (1966) *Kommunisticheskaya partiya — organizator massovogo kolkhozno-go dvizheniya (1929–1932 gg.)* [Communist Party — Organizer of the Mass Collective-Farm Movement (1929–1932)], Moscow: MGU.
- Sovetskaya derevnaya glazami VChK–OGPU–NKVD. 1918–1939 (2012). Dokumenty i materialy* in 4 vols. Vol. 4. 1935–1939 [Soviet Village from the Perspective of the All-Russian Special Commission for Combating Counter-Revolution and Sabotage — Unified State Political Department — People's Commissariat of Internal Affairs. 1918–1939. Documents and Materials], Moscow: Rosspen.
- Trapeznikov S. P. (1951) *Borba partii bolshevikov za kollektivizatsiyu selskogo khozyaystva v gody pervoy stalinskoj pyatiletki* [The Struggle of the Bolshevik Party for the Collectivization of Agriculture in the First Stalin's Five-Year Plan], Moscow.
- Trapeznikov S. P. (1983) *Leninizm i agrarno-krestyansky vopros* in 2 vols. [Leninism and Agrarian-Peasant Question], Moscow: Mysl.
- Volin I. S. (1980) O raznotipnosti istoriograficheskikh istochnikov [On the heterogeneity of historiographic sources]. *Metodologicheskie i teoreticheskie problemy istorii istoricheskoy nauki*, Kalinin, pp. 121–123.
- Vylkan M. A., Danilov V. P., Kabanov V. V., Moshkov Yu.A. (1982) *Kollektivizatsiya selskogo khozyajstva v SSSR: puti, formy, dostizheniya* [Collectivization of Agriculture in the USSR: Ways, Forms, Achievements], Moscow: Kolos.

1. Политика государственных заготовок в годы социалистической реконструкции сельского хозяйства // История СССР. 1960. № 4. С. 101–111.
2. Борьба Коммунистической партии за разрешение зерновой проблемы в годы сплошной коллективизации сельского хозяйства // Вестник Московского университета. Серия 8: История. 1962. № 4. С. 18–35.
3. Зерновая проблема в годы сплошной коллективизации сельского хозяйства СССР (1929–1932 гг.). Диссертация канд. ист. наук. М., 1963.
4. Зерновая проблема в годы коллективизации сельского хозяйства // История советского крестьянства и колхозного строительства в СССР. Материалы научной сессии, состоявшейся 18–21 апреля 1961 г. в Москве. М.: Издательство АН СССР, 1963. С. 253–272.
5. [Прения, заключительное слово] // Там же. С. 363–364, 366–367.
6. Зерновая проблема в годы сплошной коллективизации сельского хозяйства СССР (1929–1932 гг.). М.: Изд-во МГУ, 1966. — 231 с.
7. Сплошная коллективизация в СССР и стимулирование сельскохозяйственного производства // Тезисы докладов и сообщений девятой (Таллинской) сессии симпозиума по аграрной истории Восточной Европы. Таллин, 1966. С. 229–231.
8. Основные вопросы историографии сплошной коллективизации сельского хозяйства СССР // Очерки по историографии советского общества. Сборник статей. М.: МГУ, 1967. С. 158–177.
9. Решающий этап осуществления ленинского кооперативного плана и вопрос о заключительной стадии НЭПа // Ленинский кооперативный план и его осуществление в СССР. Тезисы докладов и сообщений на сессии по проблеме: «В. И. Ленин и решение аграрного вопроса в СССР» (на правах рукописи). М., 1969. С. 60–66.
10. Решающий этап осуществления ленинского кооперативного плана и вопрос о заключительной стадии НЭПа // Проблемы аграрной истории советского общества. Материалы научной конференции 9–12 июня 1969 г. М.: Наука, 1971. С. 150–154.
11. [Выступление в прениях] // Там же. С. 195.
12. К вопросу о заключительном этапе НЭПа // Историческое значение новой экономической политики (в связи с 50-летием перехода к НЭПу). Всесоюзная сессия: Материалы обсуждения. Вып. 1. М.: Наука, 1971. С. 79–95.

13. Опыт применения корреляционного анализа в изучении отчетов о распределении колхозных доходов в начале массовой коллективизации (по материалам Северокавказского края) // Источниковедение отечественной истории. Вып. 1. М.: Наука, 1973. С. 378–394.
14. Ленинские приемы анализа социальных и политических процессов в Советской России // В. И. Ленин и некоторые вопросы изменения социальной структуры советского общества в переходный период. М.: МГУ, 1973. С. 75–95 (в соавт. с В. З. Дробижевым).
15. Статистические источники // Источниковедение истории СССР / Под ред. И. Д. Ковальченко. М.: Высшая школа, 1973. С. 484–502 (в соавт. с В. З. Дробижевым); 2-е изд., перераб. и доп. М.: Высшая школа, 1981. С. 414–436.
16. Статистика сельскохозяйственного производства СССР // Массовые источники по социально-экономической истории советского общества / Отв. ред. И. Д. Ковальченко. М.: Изд-во МГУ, 1979. С. 196–226.
17. Предисловие // Там же. С. 5–11 (в соавт. с В. З. Дробижевым).
18. Происхождение и эволюция годовых отчетов социалистических сельскохозяйственных предприятий как массовых исторических источников // Актуальные проблемы источниковедения истории СССР, специальных исторических дисциплин и их преподавание в вузах: Тезисы докладов III Всесоюзной конференции: Новороссийск, 1979. Ч. 2. М., 1979. С. 169–173.
19. Оценка и анализ историографических фактов // Методологические и теоретические проблемы истории исторической науки: Межвузовский тематический сборник / Отв. ред. М. В. Нечкина. Калинин: КГУ, 1980. С. 100–101.
20. Коллективизация сельского хозяйства в СССР: пути, формы, достижения. М.: Колос, 1982. — 400 с. (в соавт. с М. А. Вылцаном, В. П. Даниловым, В. В. Кабановым).
21. Демографические изменения в деревне СССР в годы первых пятилеток // Социально-демографические аспекты развития производительных сил деревни. XX сессия Всесоюзного симпозиума по изучению проблем аграрной истории: Тезисы докладов и сообщений. Таллин, 1984. С. 37–39.
22. Трактор в сельском хозяйстве страны в 30-х годах // Аграрные технологии в России, IX–XX вв. XXV сессия Симпозиума по аграрной истории Восточной Европы: Тезисы докладов и сообщений. М., 1996. С. 156–158.
23. Сельскохозяйственное производство в СССР в 30-е гг. // Вестник Московского университета. Серия 8: История. 1997. № 3. С. 46–75.
24. Механизаторы как социально-профессиональный слой сельского населения в 1930-х гг. // Особенности российского

- земледелия и проблемы расселения IX–XX вв. XXVI сессия Симпозиума по аграрной истории Восточной Европы: Тезисы докладов и сообщений. М., 1998. С. 149–152.
25. О передовых колхозах СССР 1930-х годов // Зажиточное крестьянство России в исторической ретроспективе (Землевладение, землепользование, производство, менталитет). XXVII сессия Симпозиума по аграрной истории Восточной Европы: Тезисы докладов и сообщений. М., 2000. С. 189–193.
 26. Механизаторы как социально-профессиональный слой сельского населения СССР в 1930-х гг. // Информационный бюллетень научного семинара «Индустриализация в России»: Итоги пятилетней деятельности. Вып. 12. М.: Изд-во МГУ, 2001. С. 76–87.
 27. Производство зерна, хлебозаготовки и урожайная статистика в 1930-х гг. // Россия в XX веке: Реформы и революции. В 2 т. / Под ред. Г. Н. Севостьянова. М.: Наука, 2002. С. 591–604.
 28. Советское сельское хозяйство и крестьянство в середине 1930-х гг. // Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. 1927–1939: Документы и материалы. В 5 т. Т. 4: 1934–1936. М.: РОССПЭН, 2002. С. 7–38.
 29. Землепользование колхозов в 1930-х годах // Землевладение и землепользование в России (социально-правовые аспекты). XXVIII сессия Симпозиума по аграрной истории Восточной Европы: Тезисы докладов и сообщений. М., 2002. С. 158–161.
 30. Землепользование колхозов в 1930-х гг. // Землевладение и землепользование в России (социально-правовые аспекты): Материалы XXVIII сессии Симпозиума по аграрной истории Восточной Европы. Калуга, 2003. С. 331–341.
 31. Годовые отчеты колхозов 1930-х годов — ценнейший источник по истории становления колхозной системы в СССР // Динамика и темпы аграрного развития России: инфраструктура и рынок. XXIX сессия Симпозиума по аграрной истории Восточной Европы: Тезисы докладов и сообщений. М., 2004. С. 136–139.
 32. Экономические аспекты становления колхозной системы: информационный потенциал годовых отчетов колхозов 1930-х годов // Экономическая история. Обозрение. Вып. 12. М.: МГУ, 2006. С. 113–123.
 33. Введение // Советская деревня глазами ВЧК–ОГПУ–НКВД. 1918–1939. Документы и материалы. В 4 т. Т. 4. 1935–1939 гг. М.: РОССПЭН, 2012. С. 12–34 (в соавт. с С. А. Красильниковым, Н. Вертом, А. Я. Береловичем).
 34. [Выступления на семинарах «Современные концепции аграрного развития» 1992–2000 гг.] // Современное крестьяноведение и аграрная история России в XX веке / Под ред.

В. В. Бабашкина. М.: Политическая энциклопедия, 2015. С. 205–208, 293–295, 385–389, 453–454, 503–505, 540–542, 586–587, 627–629, 679–680.

И. А. Кузнецов
Памяти ученого:
труды Ю. А. Мош-
кова и некоторые
проблемы аграрной
историографии

О нем

1. *Богданов В. П.* Командир отделения фронтового ансамбля, профессор Московского университета: Юрий Александрович Мошков // Судьбы творцов российской науки и культуры. Т. 7 / Автор-сост. И. В. Ильин и др. М.: Полиграф сервис, 2020. С. 83–91.
2. *Богданов В. П.* «Общение с Юрием Александровичем стало настоящей школой» // Московский университет. 2022. Апрель. № 04 (4575). С. 5.
3. *Голиков А. Г., Абрамова Н. Г.* Гражданин и педагог. К 100-летию Юрия Александровича Мошкова // Вестник Московского университета. Серия 8: История. 2022. № 2. С. 3–12.
4. *Кедров Н. Г.* Юрий Александрович Мошков в контексте историографии коллективизации // Крестьяноведение. 2017. Т. 2. № 3. С. 76–96.
5. Мошков Юрий Александрович // Участники Великой Отечественной войны 1941–1945 годов — вершители Победы / Н. М. Данилкович и др. М.: Изд-во Московского университета, 2010. С. 76–77.
6. Мошков Юрий Александрович // Энциклопедический словарь Московского университета. Исторический факультет / Под общ. ред. С. П. Карпова. М.: Изд-во Московского университета; РОССПЭН, 2004. С. 312–313.